

ментов», ищет и обнаруживает предысторию образов Достоевского в литературе эпохи романтизма.

Весьма привлекательна мысль о том, что гофмановские мечтатели, Ансельм, Натаназль, даже сам Крейслер с их жизненной нескладностью и отрешенностью, — в чем-то существенном предшественники столь же отчужденных от делового, выгодного мира Акакия Акакиевича и Макара Алексеевича.

Эта мысль особенно интересна потому, что в недрах основной группы реалистических образов Достоевского, не только в «Белых ночах», но и в главных его романах, скрытый романтик сохраняется. В неистовой мечтательности Раскольникова, в мечтах Аркадия о Версилове и об Ахмаковой, особенно в сокровенной жизни князя Мышкина, во многом другом, о чем нужно сказать обстоятельно и особо.

«Бедные люди» содержат, даже в довольно полном виде, задатки дальнейшего развития молодого Достоевского.

М. С. АЛЬТМАН

ТОПОНИМИКА ДОСТОЕВСКОГО

Инициалы городов

В произведениях Достоевского наряду с литературными героями нередко фигурируют (или бегло упоминаются) и подлинные лица под инициалами их фамилий. Таковы, например: «критик В.» — Велицкий в «Униженных и оскорбленных», «доктор В-н» — Веткин в «Преступлении и наказании» и «Идиоте», «декабрист Л-н» — Лупин в «Бесах» и др. Особенно много лиц, обозначаемых инициалами фамилий в «Записках из Мертвого дома»: А-в — Аристов, Б-ский — Богуславский, Д-в — Дуров, Ж-ский — Жоховский, М-цкий — Мирецкий, Т-ский — Токмаржевский.

Этим же приемом наименования пользуется Достоевский и в своей топонимике. Но, разумеется, определить подлинное название города по его инициалу подчас не так легко. Так, в «Записках из Мертвого дома» упоминается город «Т-к» (4, 132), это Тобольск, так как в этот город отсылают нуждающихся в длительном лечении каторжников для содержания в больнице. В «Преступлении и наказании» упоминается город «Т» (6, 298). Здесь «Т» — тоже Тобольск, ибо Катерина Ивановна Мармеладова говорит об этом городе как о родном, а прототип Мармеладовой — первая жена Достоевского, сибирячка Мария Дмитриевна Исаева.

Но город Т., многократно упоминаемый в «Вечном муже», — (9, 25—29, 33, 41, 55) уже не Тобольск, а Тверь.

Нетрудно установить, что названные в «Записках из Мертвого дома» два южных города К-в и Ч-л, расположенные недалеко друг от друга и населенные «хохлами», — Киев и Чернигов (4, 89).

Тем же инициалом К. обозначен Киев и в «Братьях Карамазовых». В этом городе, в стоявшем там гвардейском полку, служил в молодости Зосима. Что К. именно Киев, подкрепляется и указанием, что это город большой и многолюдный, а его городское общество разнообразное и богатое (IX, 292).

А губерния Р., где проживают мать и сестра Раскольникова (он получает оттуда от них письмо — 6, 27), явно Рязанская не только потому, что другой губернии на букву Р. тогда в России не было, но еще и потому, что у Достоевского были особые основания связать исконое местожительство Раскольникова с губернией, изобиловавшей раскольниками. Из этой же губернии, напомним, и тот Миколка, тоже раскольник (из секты «бегунов»), который принял на себя преступление Раскольникова. Связью с «раскольничьей» Рязанской губернией Раскольникова и раскольника Миколки Достоевский подчеркивает и их в определенном отношении близость.

У Достоевского имеется и другой город Р. — в «Записках из Мертвого дома», но этот Р. означает уже не Рязань, а Ригу. Явствует это, между прочим, и из того, что там проживает немец Шульц (4, 100), а об его однофамильце в «Униженных и оскорбленных» уже прямо сказано, что он из Риги (3, 173). Добавим еще, что Шульц из Р. наделен той же характерной приметой, что и Шульц из Риги: оба они в туго накрахмаленных стоячих воротниках.

И невеста Шульца из «Записок из Мертвого дома» Лиза — из Р., т. е. из Риги, как и рижанка Лиза из «Записок из подполья». О Лизах и о рижанках следует, впрочем, сказать особо. Только что упомянутая нами проститутка Лиза из «Записок из подполья» (5, 152) и Луиза Ивановна в «Преступлении и наказании», содержательница дома терпимости, наделены одним и тем же именем. Случайно ли это? Нет, Достоевский следует здесь припитутому тогда, да и позже, в литературе условному наименованию женщин легкого поведения. Так, в рассказе Вс. Крестовского «Погибшее, но милое создание», написанном, кстати, в журнале Достоевского «Время» (1861, № 1), молодые люди кутят в ресторане «вместе с Бертами, Армансами, Луизами».¹

Указанием, что проститутка Лиза из Риги, Достоевский отдал дань не только условной антропонимике, принятой в литературе, но и условной топонимике. Так, мы имеем у Некрасова («О погоде», ч. II):

... Вновь прибывшие девы из Риги
Нешоддельным румянцем блестят.

И в рассказе Тургенева «История лейтенанта Ергунова» Ергунову, увлекшемуся девицей легкого поведения из Риги, «не раз приходило в голову, что офицеру или дворянину не следовало бы знаться с особами вроде рижской уроженки».²

Заметим, что для такой «репутации» тогдашняя Рига представляла достаточно оснований, и еще в 1885 г. Н. С. Лесков писал, что Рига «по своей развращенности занимает первое место в Ев-

¹ Арманс как имя кокетки также встречается у Достоевского в «Идиоте» (8, 11).

² Тургенев И. С. Полн. собр. соч. Соч. Т. X. М.—Л., 1965, с. 16.

ропе и представляет главный женский рынок в российских пределах».³

Иногда установление названия города по его инициалу открывает неожиданные перспективы. Так, в «Бесах» несколько раз (10, 269, 272, 275, 277) упоминается X-ая губерния. Дело в том, что на шшигулинской фабрике в городе, где происходит действие «Бесов», были найдены прокламации, такие же, как и в X-ой губернии. В разговоре с губернатором Лембке Петр Верховенский, не без провокационных намерений, указывает, что таких прокламаций в X-ой губернии много (10, 272).

Губернский город X. здесь явно Харьков, в котором, и как раз в то время, когда подготавливался роман «Бесы», произошли события, отразившиеся в романе: «праздник», окончившийся пожаром и сопровождавшийся бунтом населения, жестоко усмирённым полицией во главе с полицмейстером при полном на то соизволении губернатора. Вот как хроникер «Бесов» описывает усмирёние бунта: «Вздор тоже, что привезены были пожарные бочки с водой, из которых обливали народ. Просто-запросто Илья Ильич (полицмейстер, — М. А.) крикнул, разгорячившись, что ни один у него сух из воды не выйдет; вероятно, из этого и сделали бочки, которые и перенесли таким образом в корреспонденции столичных газет» (10, 337).

А вот запись из «Дневника» А. В. Никитенко от 23 апреля 1872 г.: «Печальное происшествие в Харькове (смотри № 110 «С.-Петербургских ведомостей»): бунт против полиции народа, который излил на нее страшную злобу. Поводом была глупейшая выходка частного пристава, который вздумал столпившуюся на праздничном увеселении толпу разгонять водой из пожарных труб, причем трубы эти раздавили несколько человек. Народная ярость разразилась ураганом, против которого оказалась бессильною администрация вместе с губернатором во главе ее».⁴

Дневниковая запись Никитенко со ссылкой на газеты, вопреки галамбуру хроникера «Бесов», совершенно точна. Так, «С.-Петербургские ведомости» (1872, № 111) писали, что «знамя бунта развевалось целый день над Харьковом». Так же писали и «Московские ведомости» (1872, № 99), а «Искра» (1872, № 16) откликнулась на события в Харькове статьей «Харьковское побоище».

При описании «праздника», окончившегося пожаром, Достоевский мог, конечно, вспомнить и про большой пожар 1862 г. в Петербурге во время народного гуляния в Духов день, и про целый ряд таких же пожаров в различных районах России в том же году. Но несомненно, что события в X-ой (т. е. в Харьковской) губернии, происшедшие в том же году, когда писались «Бесы», были для Достоевского источником основным.

³ Лесков Н. С. Учительный торг. — Исторический вестник, 1885, № 5, с. 282.

⁴ Никитенко А. В. Дневник. Т. III. М., 1956, с. 237.

Топонимике Достоевского присущ, как правильно указывает Н. П. Андиферов, особый смысл.⁵ Но некоторые локальные наименования у Достоевского не только с особым смыслом, но еще, я бы сказал, со специальным умыслом. Вот некоторые из них.

Богоявленская улица и дом Филиппова. Улица, где проживают Шатов, Кириллов и Марья Лебядкина, называется Богоявленской. Шатов и Кириллов оба испушенные богоискатели,⁶ а Марья — юродивая, бредящая о том, что богородица — «великая мать, упование рода человеческого». Как название этой улицы — Богоявленская — соответствует проживающим там Шатову, Кириллову и Марье!..

Не без значения, по уже совершенно в другом плане, и то, что фамилия владельца дома, где Шатов проживает, — Филиппов. Напомним, что среди петрашевцев был чтимый Достоевским Павел Николаевич Филиппов, инициатор и организатор тайной типографии кружка Дурова. Из письма А. Н. Майкова к П. А. Висковатому мы узнаем, что «типографский ручной станок был по рисунку Филиппова заказан в разных частях города и за день, за два до ареста был спешен и собран в квартире одного из участников...»⁷ По предложению этого же Филиппова члены кружка петрашевцев должны были писать статьи по общественным вопросам и размножать их литографским способом. Если мы вспомним, что типографский станок подпольщиков хранился у Шатова и что Лиза Дроздова намеревается с помощью Шатова составить и отпечатать справочник, то мы убедимся, что Шатов по обоим этим пунктам близок Филиппову.

На проектируемом Лизой Дроздовой справочнике следует особо остановиться. Собираясь издать справочник, Дроздова советует об этом с Шатовым и приглашает его в сотрудники. При этом она особенно настойчиво спрашивает его, где этот справочник можно было бы печатать. Вот какой между ними происходит разговор:

«— Да, о самом главном, о типографии! <...> Я давно решилась завести свою типографию, на ваше хоть ими <...>

— Почему же вы знаете, что я могу быть типографщиком? — угрюмо спросил Шатов.

— Да мне еще Петр Степанович в Швейцарии именно на вас указал, что вы можете вести типографию и знакомы с делом».

Едва она это сказала, Шатов «изменился в лице <...> и вдруг вышел из комнаты», а затем, воротившись, отказался от сотрудничества. Когда Лиза, недоумевая, почему Шатов так рассер-

⁵ См.: Андиферов Н. П. Петербург Достоевского. Пб., 1923.

⁶ Называя Кириллова богоискателем, я не игнорирую его атеизма.

⁷ Ф. М. Достоевский. Статьи и материалы. Пб., 1922, с. 268.

дился, об этом у него слышится «умоляющим голосом», то «звук ее голоса как будто поразил его; несколько мгновений он пристально в нее всматривался, точно желая проникнуть в самую ее душу» (10, 107).

Какая странная сцена! И странность эту отмечает сам хроникер «Бесов»: «... во всем этом было чрезвычайно много неясного. Тут что-то подразумевалось. Я решительно не верил этому изданию...» (10, 107).

В чем тут, собственно, дело? Почему, едва Лиза заговорила о типографии, Шатов насторожился? И почему Шатов так рассердился, когда Лиза сказала, что о знакомстве Шатова с типографским делом ей сообщил Верховенский? А откуда об этом узнал Верховенский? Да потому, что Шатову, одному из членов его кружка, была поручена подпольная типография и рекомендацию Верховенского Лизе Шатов воспринял и, возможно не без основания, как провокационную.

Прототипами Шатова, как известно, являются убитый нечаевцами студент Иванов, В. И. Кельсиев, петрашвец П. Г. Шапошников. К ним же, по связи с подпольной типографией, следует, как мы видим, прибавить и Филиппова, однофамильца владельца дома, в котором проживал Шатов.

Муравьиная улица. В воспоминаниях о своем детстве Лев Толстой рассказывал, что его старший брат Николаенька объявил, «что у него есть тайна, посредством которой, когда она откроется, все люди сделаются счастливыми <...> все сделаются муравейными братьями. (Вероятно, что это были Моравские братья, о которых он слышал или читал, но на нашем языке это были муравейные братья.) И я помню, что слово „муравейные“ особенно нравилось, напоминая муравьев в кочке».⁸

Б. М. Эйхенбаум связывал эти воспоминания Толстого о «муравейных братьях» с разговорами в семье Толстых о декабристе Муравьеве.⁹ То, что в воспоминаниях детства Толстого бессознательно «муравейные братья» ассоциировались с декабристами, возможно и даже вероятно. Но не только вероятно, а достоверно, что у Достоевского «муравейное братство» ассоциировалось с нечаевцами, изображенными в «Бесах».

Впрочем, еще за десять лет до создания «Бесов» Достоевский в «Зимних заметках о летних впечатлениях» писал иронически, что человеку, не желающему жить на «разумной основе», приходится разъяснить, что «он не понимает своей собственной выгоды, что муравей, какой-нибудь бессловесный, ничтожный муравей, его умнее, потому что в муравейнике всё так хорошо, всё так разложено, все сыты, счастливы, каждый знает свое дело, одним словом: далеко еще человеку до муравейника» (5, 81).

⁸ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. Т. 34. М., 1952, с. 386.

⁹ Эйхенбаум В. М. Легенда о зеленой палочке. — Огонек, 1950, № 47, с. 23—24.

Эту же мысль варьирует Достоевский в том же 1863 г., полемизируя с М. Е. Салтыковым-Щедриным в статье «Опять „Молодое перо“»: «...мы не смешиваем прогресса с этими тупелькими представлениями и поминутно разворачиваем их муравейник» (XIII, 320).

А год спустя, в 1864 г., в «Записках из подполья» Достоевский снова возвращается к этому образу муравейника: «Вот муравьи совершенно другого вкуса <...>. У них есть одно удивительное здание <...> навеки нерушимое — муравейник. С муравейника достопочтенные муравьи начали, муравейником, наверно, и копчат...» (5, 118).

Образ муравейника в этом же осмыслении находим и в черновых материалах к «Бесам»; одно из действующих лиц этого романа говорит: «...муравейником не спастись» (11, 123).

И примечательно, что этот же образ фигурирует и в критических отзывах на роман Достоевского. Так, например, газета «Русский мир» (1873, № 5) писала: «Подпольный муравейник „деятелей“, изображенный в „Бесах“...»

В свете всего сказанного становится ясно, что в романе «Бесы» улица, где происходит собрание «наших» («нашим» Достоевский иронически называет членов подпольного кружка Петра Верховенского), не случайно носит название Муравьиная. На этом собрании Шигалев предлагает систему общественного устройства, по которой девять десятых человечества «должны потерять личность и обратиться вроде как в стадо» (10, 312). Как уместно с подобными проектами выступать на улице Муравьиной!..

А. КОВАЧ

О СМЫСЛЕ И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ СТРУКТУРЕ ПОВЕСТИ ДОСТОЕВСКОГО «ДВОЙНИК»

«Двойник» — первое значительное произведение Достоевского, вызвавшее острые споры, которые начались с вопроса о его художественном выполнении, перенеслись затем на понимание природы человека, на трактовку самого идейного смысла повести. Продолжаясь и по сей день, споры эти самим существованием говорят о перешенности в основных линиях ряда вопросов, связанных с пониманием раздвоения в творчестве писателя.

В современном литературоведении (в частности, в комментариях в первом томе академического Полного собрания сочинений) намечен новый подход к этому произведению, и мы хотели бы, чтобы наши наблюдения поддержали этот новый взгляд.

Важный для понимания интересующего нас произведения Достоевского аспект выдвигает также недавняя статья Ф. И. Евнина: исследователь видит смысл двойничества Голядкина не во внутреннем раздвоении, а во «внешнем замещении, вытеснении его из занимаемого им места в жизни».¹

Если говорить о причинах раздвоения натуры главного героя повести, можно согласиться с автором названной статьи. В то же время очевидно, что им смешиваются разные понятия: причина принимается за самое явление, и раздвоение как таковое просто исчезает. Оказывается, что в «Двойнике» нет внутреннего, психологического раздвоения героя, а есть лишь замещение, борьба, приводящая к его вытеснению из жизни. По мнению Евнина, двойник используется Достоевским — так же как и Гофманом — как художественный прием для воплощения определенных социальных сил (как, например, в образе крошки Цахеса воплощается власть золота в буржуазном мире). Но таким образом игнорируется художественное завоевание Достоевского, — раздвоение в психологическом плане понимается только как внутренняя

¹ Евнин Ф. И. Об одной историко-литературной легенде. — Русская литература, 1965, № 3, с. 11.